К ВОПРОСУ О ТЕОРИЯХ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ В ДЕЛИКАТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Д.В. Дюкова, *магистрант*
Научный руководитель: *Р.В. Секретарёв, канд. юрид. наук, доцент*
Владивостокский государственный университет
(Россия, г. Владивосток)

DOI:10.24412/2500-1000-2025-10-2-271-276

Аннотация. *Сложность выявления причинной связи по конкретным делам обусловлена также отсутствием устанавливающих её правил. С одной стороны, обязательность возмещения потерпевшим вреда, причинённого им гражданско-правовым деликтом, – декларирована даже на конституционном уровне, при этом – неоднократно (статьи 42, 52 и 53 Конституции России). С другой стороны, даже критерии того, что же такое причинная связь – формулируются лишь на уровне цивилистической теории или, в лучшем случае, в междисциплинарных (гражданско-правовых, гражданско-процессуальных, арбитражно-процессуальных, т.е. доказательственного характера) исследованиях. Объект исследования – теоретические положения советской и современной цивилистической науки, позволяющие построить основу модели установления причинной связи в деликтных обязательствах.*

Ключевые слова: *обязательства, деликты, состав деликта, противоправное деяние, последствия гражданского правонарушения, причинно-следственная связь, деликтное обязательство.*

Советское право попыталось отринуть теории причинности, выработанные западной наукой, и сформулировать собственные концепции, первой из которых стала теория необходимого условия В.П. Грибанова [1, с. 334-338]. Эта теория – лишь одна из теорий, существующих в рамках концепции необходимой причинности, однако ее разработка В.П. Грибановым придала ей необходимую обоснованность и глубину. Существо этой теории состоит в том, что если один факт объективной реальности стал для другого факта причиной, то между ними возможно существование лишь необходимой связи. Эта необходимая связь, или необходимое условие, ведущее свою историю со времен римского права (где она определялась как «conditio sine qua non») – является фактической, то есть такой, которой еще предстоит юридическая оценка, но закономерной. В этом смысле причина – объективная закономерность (в соответствии с марксистской теорией познания), а следствие – та «случайность», в которой эта закономерность себя проявляет. Отсюда следовало и определение причинной связи, данное В.П. Грибановым: «причинная связь есть необходимая связь между явлениями, при которой одно явление (причина) предшествует другому (следствию) и порождает его» [1, с. 336]. Однако это определение причинной связи (позитивно-релятивистское), отрицающее для причинной связи какую-либо случайность (случайную, или косвенную связь), является предельно общим, философским. Чтобы причинная связь была не философской, а юридически-значимой, необходимо, чтобы поведение причинителя превратило возможность наступления вредоносного результата – в действительность (соответственно, возникает необходимость в определении еще двух парных философских категорий – возможности и действительности), либо обусловило конкретную возможность его наступления.

В.П. Грибанов также разработал вопрос соотношения прямой и косвенной причинной связи: первая из них – это ситуация, «когда в цепи последовательных событий между противоправным поведением лица и вредом не существует каких-либо обстоятельств, имеющих значение для возникновения деликтных обязательств». Иначе говоря, наступление вреда в такой ситуации – чаще всего простое, не обусловленное привходящими обстоятельствами, недалеко отстоящее во времени от причины вреда (деяния). Однако между деянием, запускающим механизм причинения вреда, и наступившими последствиями – могут существовать и другие обстоятельства –

одно или несколько, каждое из которых, отдельно взятое, могло бы стать самостоятельной причиной причиненного вреда. Поэтому в случаях косвенной связи логический анализ причины, с момента наступления которой начал реализовываться процесс причинения, с точки зрения ее последующего влияния на результат, должен учитывать влияние этих одного или множества привходящих факторов, условий, причин, которые могли привести к причинению вреда. Впоследствии теория прямой и косвенной связи была взята за основу В.И. Кофманом.

Критика этой теории состояла в том, что она может быть расширена «до бесконечности» и даже быть сведена к такому суждению, как «от предшествующего – первопричина». Действительно, если связь явлений – необходима, то это избавляет правоприменителя от доказывания вины причинителя вреда – ссылкой на то, например, что он должен был предвидеть, что его действия – приведут именно к такому (случившемуся реально) последствию. Иначе говоря, данная теория (conditio sine qua non) – хорошо, по мнению специалистов [2, с. 117], объясняет некие случившиеся события (причинение вреда) предшествующими событиями, а потому может быть использована для определения фактической причинно-следственной связи, но для определения юридической причинно-следственной связи она недостаточна.

Нельзя также не отметить, что концепция причинной связи В.П. Грибанова использована в настоящее время в абзаце первом пункта 1 статьи 1064 Гражданского кодекса РФ [3], согласно которой вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Концепция В.П. Грибанова была также отмечена Конституционным Судом РФ: «необходимым условием (conditio sine qua non) возложения на лицо обязанности возместить вред, причиненный потерпевшему, включая публично-правовые образования, является причинная связь, которая и определяет сторону причинителя вреда в деликтном правоотношении» [4].

Позже, в 40-х годах прошлого века, М.М. Агарков (его концепцию типичности причинной связи поддержали А.Е. Семенова и А.Г. Гойхбарг) предлагает другую теорию – типичного причинения, согласно которой одно и то же (типичное) поведение может привести к одним и тем же (первое из сравниваемых действий – адекватно второму и первое из сравниваемых последствий – адекватно второму) последствиям. В частности, в учебнике гражданского права 1944 года он указывал, что «суд должен установить, принадлежит ли связь между противоправным действием и вредом к типичным связям» [5, с. 112], однако проблема этой теории состояла в том, что сама категория типичности – не была достаточно разработана (утверждалось лишь, что «практика – критерий истинности», т.е. именно из анализа большого множества практических отношений можно определить, что является «типичным»), не были выявлены ее обязательные признаки, что привело к возникновению иных теорий.

Кроме того, эта теория не учитывала, как представляется, двух обстоятельств: во-первых, привходящих факторов, во-вторых, такого развития науки и технологий, при котором одно и то же поведение может и не привести к одним и тем же последствиям.

Например, удар ножом может, при условии своевременно оказанной врачебной помощи, привести, но может – и не привести к летальному исходу для потерпевшего, однако врачебная ошибка при оказании такой помощи – привходящий фактор – может привести к летальному исходу. Поэтому для теории типичного причинения возникает вопрос: наступает ли ответственность виновного за причинение вреда жизни (при условии врачебной ошибки) потерпевшему – как результат типичного причинения, или не наступает. Данная теория, исходя из сопоставления типичного поведения и типичных (адекватных) последствий, не может ответить на этот вопрос.

Другой пример – дело, слушавшееся в Советском суде г. Владивостока. Ответчик Л. приобрёл в ЗАО «Акфес-интерьер» испанскую (по утверждению продавца) радиаторную батарею и установил ее в системе горячего водоснабжения своей квартиры. Вскоре батарея дала течь, вследствие чего был причинён вред имуществу Ч., проживавшей в квартире этажом ниже. По делу было установлено два обстоятельства: во-первых, в батарее присутствовал заводской брак, а значит, причи-

ной затопления квартиры Ч. были действия продавца, реализовавшего некачественный товар, который и дал течь, во-вторых, ответчик установил батарею «самовольно», т.е. без согласования с эксплуатирующей многоквартирный жилой дом организацией [6]. При вынесении решения суд счёл, что предпочтение нужно отдать второму из фактов, а именно – действиям ответчика, который самовольно установил радиаторную батарею (то есть факту, лишь в отдалённой степени связанному с причинением вреда), а не непосредственной причине – течи в бракованном радиаторе, сыгравшей решающую роль. Иначе говоря, хотя самовольная установка батареи и может привести к протечке системы горячего водоснабжения, но в данном случае она произошла вследствие её заводского брака. Тем не менее, решение было оставлено в силе в вышестоящей инстанции (Приморском краевом суде), а продавец некачественной батареи – избежал ответственности за продажу бракованного товара. По существу, суды по данному делу приняли теорию типичного причинения (установки батареи без согласования с эксплуатационной организацией), не учтя привходящего фактора – скрытого брака в товаре, который был выявлен экспертным исследованием.

Другой внешний фактор, нарушающий «типичность» – развитие технологий. Например, в случаях, когда определенная новая технология позволяет предотвратить нанесенный «типичным действием» ущерб, и эта технология могла быть применена потерпевшим, возникает вопрос: должен ли быть снижен размер взыскиваемых убытков с учетом бездействия потерпевшего? С позиций теории типичного причинения, размер взыскиваемых убытков быть снижен не может, что не соответствует принципам разумного и добросовестного поведения потерпевшего. Иначе говоря, данная теория, вполне пригодная для традиционного общества с устоявшимися технологиями и моделями поведения, не в полной мере подходила ускоренно усложняющемуся, динамично развивающемуся обществу.

Следует отметить, что в это же время (начало 40-х годов прошлого века) в науках криминологического цикла появляется схожая теория – «реальной возможности». Эта теория была разработана А.А. Пионтковским и изложена им в 70-х годах прошлого века в Курсе уголовного права [7, с. 188-190]. Однако ответ на вопрос, имела ли место в данном случае «реальная возможность» (которую, видимо, и должен был предполагать причинитель вреда, или виновный) – она давала также на основе теории типичности, т.е. на теории М.М. Агаркова. По существу, теории А.А. Пионтковского и М.М. Агаркова, хотя и разными понятиями, выражали одно и то же: попытку статистического, социологического подхода к причинной связи.

Быстрое развитие послевоенного советского права приводит к появлению ещё двух альтернативных теорий.

Первая из них была признана большинством цивилистов (Б.С. Антимонов, Л.А. Лунц, Е.А. Флейшиц) – необходимой и случайной причинной связи. Эта теория получила признание и среди специалистов других отраслей права (в частности, среди криминологов её поддержал М.Д. Шаргородский, занимавшийся вопросами уголовной ответственности за причинение вреда жизни).

Вторая, также возникшая в 50-х годах прошлого века, связана с именем одного из корифеев советской цивилистики – О.С. Иоффе. Впоследствии эта теория была поддержана также А.А. Собчаком и В.Т. Смирновым.

По мнению О.С. Иоффе, концепция В.П. Грибанова о необходимом условии предполагает, что суд каждый раз должен мысленно удалить противоправное поведение и поставить вопрос о том, имело бы место данное последствие (возникновение вреда) при отсутствии данного поведения. Это создает в механизме причинной связи элемент неопределенности (как указывал сам О.С. Иоффе, «гадательный вопрос» [8, с. 229]), определить который должен суд. Однако как суду определить этот элемент – теория В.П. Грибанова не отвечает, вследствие чего она, по мнению О.С. Иоффе, обладает неустранимым недостатком «судебного гадания».

Теория М.М. Агаркова не устраивала О.С. Иоффе по другой причине, которая, впрочем, всеми ныне признана: в ней отсутствовала конкретность причины, которая могла быть и случайной, а не обязательно «ти-

пичной»: типичность причинности – не исключает требования устанавливать конкретную причину, а как установить её – теория типичности ответа не даёт.

Критикуя, далее, своих современников, О.И. Иоффе также обращает внимание на различие в подходах В.П. Грибанова, чья теория требует непосредственности причинной связи между двумя фактами, и теории типичности М.М. Агаркова, которая страдает рисками неконкретного установления происхождения последующего факта – от предыдущего. По его мнению, О.С. Семенова и А.Г. Гойхбарг – смешивают типичность и непосредственность причинения [8, с. 223], а фактически – не различают существа теорий В.П. Грибанова и М.М. Агаркова.

При изложении собственного взгляда на теорию причинности, О.С. Иоффе, прежде всего, обращает внимание на то положение, что необходимо не «создать теорию» (он рассматривал это как субъективный подход к учению о причинной связи и отмечал, что «юридическая наука не создаёт какой-то особой теории причинности» [8, с. 222]), а сформулировать определенный свод правил, позволяющих суду правильно определить, связано ли поведение нарушителя с наступившим вредом и в насколько полной мере оно связано.

Второе из выдвинутых О.С. Иоффе положений состояло в том, что причинная связь есть связь между возможностью, существующей во времени в определенный момент, и действительностью, существующей в последующий момент. Иначе говоря, О.С. Иоффе принимает за основу причинной связи две парные философские категории: возможность и действительность. Отсюда причинная связь – это механизм, который превращает возможность, существующую в предшествующий период времени в массе других возможностей – в действительность последующего периода времени. Однако этот механизм может быть основан на абстрактной, хотя и реализовавшейся, возможности причинения вреда (и тогда такое деяние не влечет ответственности – в силу отсутствия необходимой причинности), или может быть основан на конкретной, реальной возможности причинения вреда. С точки зрения концепции О.С. Иоффе, следует вновь вернуться к случаю, имевшему место в ОАО «ОГАТ»: неосторожное запирание двери уборщицей в служебном помещении работников создавало, очевидно, лишь абстрактную возможность причинения вреда работнику, тогда как его вылазка из окна – создала реализовавшуюся возможность такого причинения. Как видно, концепция О.С. Иоффе достаточно эффективно работает для случаев, когда необходимо оценить значение влияния на последствия двух взаимодействующих причин, или цепи причинности. Думается, именно данное обстоятельство стало основанием почти всеобщего признания данной теории в последующие годы (до конца 10-х годов нашего века).

В 60-х годах появляется ещё одна (пятая по счёту, среди советских) теория, которую можно назвать «теорией ненормальной обстановки». Её особенностью было выделение двух видов причинной связи: прямой и косвенной. Эта теория была достаточно хорошо разработана в упомянутой кандидатской диссертации В.И. Кофмана. Эта концепция позволила подойти к причинной связи с точки зрения ее признаков, свойств, а не просто набора общих принципов для анализа ситуации. В.И. Кофман выделил четыре основных свойства причинной связи: 1) объективность, 2) конкретность, 3) непосредственность, 4) соблюдение временной последовательности двух фактов (деяния и последствий). Возможно, в наиболее полной мере эта теория отражена в одном из поздних советских учебников по гражданскому праву. Давая определение причиной связи, О.А. Красавчиков писал, что она «представляет собой объективную конкретную взаимосвязь двух явлений, одно из которых (причина) в силу объективных законов развития материального мира вызывает другое (новое, не тождественное) явление (следствие)» [9, с. 50].

Исследуя далее причинную связь, В.И. Кофман пытается разграничить непосредственную («прямую») и «косвенную» причины. Прямыми В.И. Кофман предлагает считать не общие, а, напротив, «специфические причины», под которыми он понимает «особенности объективно сложившейся конкретной обстановки, которые, являясь необходимым условием наступления вреда, в то же время: а) не являются характерными для подобных объективно складывающихся ситу-

аций; б) на момент воздействия непосредственной причины не просто могли не быть, а не должны были иметь места» [10, с. 145-146]. Интересно, что и в этой теории присутствует ссылка на «типичность», но только – с точностью до наоборот – на «нехарактерность» для нормальной ситуации определенных условий, которые и оказались причиной вреда. Иначе говоря, течение событий, не приводящее к причинению вреда, он рассматривает как «типичное», а действия, в результате которых вред был причинен – как «нехарактерные особенности», которые «не должны» были случиться. Это несколько отличается от «типичной» связи М.М. Агаркова, но имеет в основе ту же социологическую «типичность».

Следует отметить также, что спустя десятилетие, уже в середине девяностых годов прошлого века, у этой теории вскоре появляется вторая разновидность, - основанная на категориях прямой причинной связи и косвенной причинной связи концепция Н.Д. Егорова. Если, по мнению данного автора, к одному результату ведут два последовательно имевших место обстоятельства, то с одним из них этот результат будет иметь прямую связь, а со вторым – косвенную, при этом косвенная связь правового значения не имеет. Однако и эта теория не отвечает в полной мере на вопрос о том, какую из двух причин считать связанной с результатом – прямой, а какую – косвенной связью и, главное, не отвечает на вопрос о том, почему косвенная связь не должна учитываться при распределении долей гражданско-правовой ответственности причинителей.

Таким образом, ни одна из существующих ныне теорий не может претендовать на всеобъемлющее решение проблемы причинной связи, что предполагает, как минимум, их комплексное, последовательное применение.

Библиографический список

1. Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. – Москва: Статут, 2001. – С. 287-358.

2. Алейникова В.В. Компании причинен вред. Как с помощью научных подходов доказать причинную связь деяния и вреда / В.В. Алейникова // Арбитражная практика. – 2016. – № 4. – С. 112-123.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (посл. ред. от 31.07.2025 № 315-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2020 N 32-П // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356399/.

5. Гражданское право. Том 1 / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. – Москва: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1944. – 419 с.

6. Решение Советского суда г. Владивостока от 14.06.2000 по гражданскому делу № 2-217 // Архив Советского суда г. Владивостока за 2000 год.

7. Курс советского уголовного права. В шести томах. Том 2 / Под ред. А.А. Пионтковского. – Москва: Наука, 1970. – 516 с.

8. Иоффе О.С. Обязательственное право / Олимпиад Соломонович Иоффе. – Москва: Юридическая литература, 1975. – 880 с.

9. Советское гражданское право: Учебник. В 2-х томах. Том 1 / Под ред. О.А. Красавчикова. – Москва: Высшая школа, 1985. – 519 с.

10. Кофман В.И. Границы юридически значимого причинения // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: Сборник статей. – Москва: Статут, 2001. – С. 131-147.

PRINCIPLES AND METHODS OF DETERMINING CAUSATION IN TORT LIABILITIES

D.V. Dyukova, *Student*
Supervisor: *R.V. Sekretaryov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Vladivostok State University
(Russia, Vladivostok)

Abstract. *The difficulty of establishing a causal relationship in specific cases is also due to the lack of rules that establish it. On the one hand, the obligation to compensate victims for damages caused by a civil law tort has been declared even at the constitutional level, and this has been done repeatedly (Articles 42, 52, and 53 of the Russian Constitution). On the other hand, even the criteria for what constitutes a causal relationship are formulated only at the level of civil law theory or, at best, in interdisciplinary (civil law, civil procedure, arbitration procedure, i.e., evidence-based) research. The object of this research is the theoretical principles of Soviet and modern civil law science, which provide a foundation for establishing causal relationships in tort obligations.*

Keywords: *obligations, torts, elements of a tort, illegal act, consequences of a civil offense, cause and effect, tort liability.*